

Вестник воспитания

**Научно-популярный журнал
для родителей и воспитателей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37.032
ББК 51.204.0
В38

В38 Вестник воспитания: Научно-популярный журнал для родителей и воспитателей / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 358 с.

ISBN 978-5-458-31927-0

ISBN 978-5-458-31927-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. Оригинальные и переводные статьи.

Воспитаніе памяти.

Исслѣдованіе по экспериментальной психологiи.

Среди различныхъ процессовъ психической жизни память занимаетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ; она можетъ считаться вмѣстѣ со вниманіемъ основой психической дѣятельности. Дѣйствительно, въ каждомъ разсужденіи, въ каждомъ поступкѣ, при чтеніи, письмѣ, въ каждомъ разговорѣ,—словомъ, вездѣ мы имѣемъ дѣло съ различнаго рода представленіями и во всѣхъ такихъ случаяхъ основываемся на способности вызывать эти представленія, т.-е. на памяти. Въ педагогикѣ память играетъ, очевидно, огромную роль. Если проанализировать обычно употребляемые способы преподаванія, то будетъ ясно видно, насколько всѣ они основаны на памяти; отъ ученика постоянно требуютъ или заучить что-нибудь наизусть или запомнить извѣстный ходъ мыслей, стараясь этимъ путемъ развить его память и дать ему возможно болышій запасъ знаній. Однако въ этомъ отношеніи большинство педагогическихъ методовъ страдаетъ однимъ общимъ недостаткомъ: вмѣсто того, чтобы развивать у учениковъ способность къ разсужденію и приучать ихъ критически относиться ко всѣмъ окружающимъ явленіямъ, ихъ заставляютъ запоминать ряды фактовъ, которые быстро забываются, ибо они заучиваются безъ той ассоціаціонной связи, которая является результатомъ разсужденія и критики.

Когда при изученіи различныхъ педагогическихъ методовъ стараются дать психологическую основу тѣмъ или другимъ приѣмамъ, то обыкновенно пользуются данными той психологіи, которая существовала лѣтъ 50 тому назадъ, т.-е. тогда, когда еще она была исключительно философской и когда о примѣненіи въ ней опыта не было и рѣчи. Такъ, напримѣръ, въ Германіи еще и теперь большинство педагоговъ основываются въ своихъ работахъ на психологіи Гербарта и защищаютъ, пользуясь этой философской психологіей, цѣлый рядъ принциповъ, которые окажутся шаткими, если ихъ разобрать на основаніи современной экспериментальной психологіи. По отношенію къ памяти въ педагогикѣ встрѣчается цѣлый рядъ ложныхъ воззрѣній, почерпнутыхъ именно изъ классической философской психологіи; поэтому будетъ, можетъ быть, нелишнимъ изложить вкратцѣ результаты точныхъ изслѣдованій, которыя были произведены относительно памяти за послѣднія двадцать лѣтъ. Эти научныя изслѣдованія установили нѣсколько общихъ законовъ памяти, на основаніи которыхъ возможно уже и теперь до пѣкоторой степени выяснить, какимъ образомъ слѣдуетъ воспитывать память.

Цѣль настоящей работы состоитъ въ томъ, чтобы представить современное состояніе ученія о памяти и остановиться главнымъ образомъ на тѣхъ вопросахъ, которые болѣе всего интересны для педагогики и касаются развитія и воспитанія памяти.

Опредѣленіе процесса памяти и его психологическій анализъ.

Прежде всего необходимо выяснитъ себѣ, въ чемъ именно состоитъ процессъ памяти, разобрать, простой ли это процессъ или сложный, и если имѣетъ мѣсто послѣдній случай, то проанализировать его, т.-е. указать на тѣ элементарные процессы, которые входятъ въ составъ памяти.

Мы въ двухъ различныхъ случаяхъ говоримъ, что ка-

кое-нибудь простое или сложное впечатлѣніе осталось въ памяти: во-первыхъ, тогда, когда мы въ состояніи воспроизвести это впечатлѣніе, во-вторыхъ, тогда, когда мы при повтореніи того же впечатлѣнія узнаемъ его. Такъ, напримеръ, прочтя какое-нибудь иностранное слово, мы бываемъ въ состояніи повторить его, или же узнаемъ его, если намъ его показываютъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени. Отсюда изученіе памяти распадается на двѣ части, соотвѣтствующія *воспроизведенію впечатлѣній* и способности *узнаванія вновь*. Въ то же время изъ сказаннаго можно заключить, что процессъ памяти во всякомъ случаѣ сложный процессъ; для проявленія памяти необходимо и то первоначальное впечатлѣніе, которое запоминается, и тотъ промежутокъ времени, послѣ котораго оно запоминается. Слѣдовательно, въ вопросѣ о памяти имѣется три момента: 1) воспріятіе какого-нибудь впечатлѣнія; 2) промежутокъ времени между впечатлѣніемъ и его воспроизведеніемъ и 3) воспроизведеніе впечатлѣнія или узнаваніе его вновь.

Безъ каждой изъ этихъ трехъ моментовъ проявленіе памяти невозможно; однако часто, изучая память, довольствуются изученіемъ только третьяго, говоря про первый, что онъ принадлежитъ вопросу объ ощущеніяхъ и перцепціяхъ, а про второй, что это есть такой промежутокъ времени, который ничѣмъ особенно не проявляется и въ которомъ, слѣдовательно, нечего изучать. Хотя очевидно, что при изученіи памяти главное вниманіе должно быть обращено на способность воспроизведенія или узнаванія вновь, но, чтобы уяснить тѣ условія, при которыхъ эти проявленія памяти лучше всего происходятъ, необходимо изучать, какую роль при этомъ играютъ и воспріятіе впечатлѣнія, и указанный выше промежутокъ времени; слѣдовательно, мы должны изучить тѣ вопросы о воспріятіи впечатлѣній, которые имѣютъ прямое отношеніе къ воспроизведенію или узнаванію вновь этихъ впечатлѣній, такъ какъ отъ этого зависить

въ большой степени запоминаніе впечатлѣній. Также и относительно промежутка времени между воспріятіемъ и повтореніемъ впечатлѣній необходимо выяснить, какое вліяніе имѣетъ характеръ заполнения этого промежутка времени; если, напримѣръ, прочтя какіе-нибудь стихи, мы будемъ въ продолженіе часа записывать арифметикой и потомъ постараемся повторить стихи на память, то результатъ будетъ хуже того, который получился бы послѣ часовой прогулки; способъ заполнения названнаго промежутка имѣетъ большое значеніе, которое бываетъ, однако, неодинаково для различныхъ родовъ впечатлѣній.

Разсматривая самый процессъ воспроизведенія или узнаванія вновь, мы увидимъ, что онъ можетъ происходить при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, зависящихъ главнымъ образомъ отъ направленія нашего вниманія и нашей воли. Мы можемъ или воспроизвести извѣстное впечатлѣніе произвольно, направляя на это все наше вниманіе и стараясь сдѣлать это какъ можно лучше, или же это впечатлѣніе является въ нашемъ представленіи помимо нашей воли, безъ усилія съ нашей стороны, какъ говорятъ, само собой. Также бываетъ и при узнаваніи вновь: мы можемъ или напрягать наше вниманіе на извѣстное впечатлѣніе, стараясь его узнать, или же узнаемъ его пассивно—безъ особаго усилія. Очевидно, что между этими двумя крайними случаями существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней. Сосредоточеніе нашего вниманія можетъ вліять еще и на полноту воспоминанія: мы можемъ, напримѣръ, или довольствоваться воспроизведеніемъ простаго представленія объ извѣстномъ впечатлѣніи или же стараться воспроизвести это впечатлѣніе во всей его полнотѣ, со всѣми подробностями, припоминая въ то же время всѣ окружающія условія. Точно такъ же и при узнаваніи вновь какого-нибудь впечатлѣнія мы можемъ или удовольствоваться только тѣмъ, что его узнали, или же стараться припомнить, когда и при какихъ условіяхъ оно было.

Въ процессѣ воспроизведенія и узнаванія вновь является, во-первыхъ, вопросъ о точности или вѣрности воспоминанія, а во-вторыхъ, вопросъ объ увѣренности въ этомъ самомъ субъектѣ. Если, напр., мы повторяемъ заученные стихи на память, то можно спрашивать или о томъ, вѣрно ли мы ихъ повторяемъ, или о томъ, насколько увѣрены мы сами въ ихъ вѣрности; эти два вопроса не слѣдуетъ смѣшивать между собой, хотя это обыкновенно дѣлается. Мы можемъ повѣрно повторить стихи, будучи увѣрены, что не дѣлаемъ ни одной ошибки, или же, наоборотъ, можемъ повторить вѣрно и думать, что сдѣлали нѣсколько ошибокъ. Сравнивая воспроизведенное впечатлѣніе съ первоначальнымъ, приходится обыкновенно разбирать, какова разниця между ними; если, напримѣръ, первоначальное впечатлѣніе получено было отъ картины, на которую мы смотрѣли въ продолженіе десяти минутъ, то, воспроизводя въ памяти эту картину, мы имѣемъ извѣстное зрительное представленіе, которое можемъ описать словами; спрашивается: каково отношеніе между первоначальнымъ впечатлѣніемъ, т.-е. картиной, и вызваннымъ представленіемъ? Вопросъ этотъ рѣшить нелегко, а онъ, однако, имѣетъ огромное значеніе; мы разберемъ его ниже въ подробностяхъ, здѣсь же мы хотѣли только указать на существованіе подобнаго рода вопросовъ первой важности.

Итакъ, мы видимъ, что изученіе памяти все болѣе и болѣе осложняется, число подлежащихъ изученію случаевъ растетъ по мѣрѣ того, какъ углубляешься въ анализъ этого процесса. Поэтому необходимо для краткаго изложенія ученія о памяти классифицировать всѣ эти случаи, чтобы установить извѣстный логическій порядокъ, безъ котораго легко запутаться въ этомъ сложномъ отдѣлѣ психологій. Съ практической точки зрѣнія важно знать, какія впечатлѣнія лучше всего запоминаются и какія условія способствуютъ болѣе продолжительному и вѣрному запоминанію. Поэтому въ нашемъ изложеніи мы будемъ придерживаться классификаціи, основанной на изученіи

различныхъ условій запоминанія впечатлѣній. Среди условій запоминанія первое мѣсто занимаетъ природа или качество того впечатлѣнія, которое запоминается; такъ, напримѣръ, какое-нибудь простое впечатлѣніе (зрительное ощущеніе, звукъ, движеніе и т. д.) усваивается нашею памятью иначе, чѣмъ болѣе сложное впечатлѣніе; также между памятью къ различнымъ ощущеніямъ существуютъ извѣстныя различія, зависящія отъ качества этихъ ощущеній, и т. д.

Второй вопросъ, который мы разберемъ, относится къ изученію вліянія различныхъ условій на воспріятіе впечатлѣній; сюда входятъ: вліяніе напряженія вниманія, вліяніе продолжительности впечатлѣнія, числа его повтореній, вліяніе наличности побочныхъ ассоціацій и т. д. Изучивъ условія, зависящія отъ самаго впечатлѣнія, мы перейдемъ къ изслѣдованію значенія промежутка времени между впечатлѣніемъ и его воспоминаніемъ; этотъ промежутокъ времени можетъ различно вліять на воспоминаніе, смотря по тому, насколько онъ продолжителенъ и чѣмъ онъ заполняется.

Четвертая часть нашей работы будетъ посвящена опредѣленію условій проявленія памяти; тутъ, какъ мы указали выше, вопросъ распадается на два отдѣла, соотвѣтствующіе воспроизведенію впечатлѣнія и узнаванію вновь; кромѣ того, цѣлый рядъ субъективныхъ условій (произвольность, непроизвольность, полнота и т. д.) при воспоминаніи долженъ быть здѣсь изученъ.

Перейдемъ теперь къ подробному изученію cadaго изъ намѣченныхъ вопросовъ.

I. Вліяніе качества впечатлѣній на ихъ запоминаніе.

Когда идетъ рѣчь о памяти, то о ней обыкновенно говорятъ, какъ о простой однородной функціи, которую легко можно опредѣлить у cadaго. Такъ, говорятъ, напр., что у даннаго лица память хороша, посредственна или плоха; однако всякому приходилось наблюдать большія

индивидуальныя разницы относительно памяти у разныхъ людей: у одного, напр., бываетъ хорошая память на имена, но онъ не запоминаетъ чиселъ и лицъ; другой хорошо помнитъ всѣ мѣстности, которыя видѣлъ при путешествіи, но не можетъ запомнить какого-нибудь разсказа и т. д. Поэтому, говоря о памяти, слѣдуетъ различать цѣлый рядъ частичныхъ памятей, относящихся къ тѣмъ или инымъ воспріятіямъ. Всѣ впечатлѣнія можно подраздѣлить на нѣсколько группъ. Мы различаемъ, во-первыхъ, простыя впечатлѣнія отъ сложныхъ; если какое-нибудь впечатлѣніе воспринимается нами какъ нѣчто цѣльное, однородное, нераздѣльное, то мы говоримъ, что оно простое; таковы, напр., простой звукъ, краска, простая геометрическая фигура, ощущеніе осязанія, вкуса, запахъ и т. д. Наоборотъ, впечатлѣніе будетъ сложнымъ, если мы можемъ разложить его на составныя элементарныя части; такъ, напр., *слово* будетъ уже сложнымъ впечатлѣніемъ, потому что мы имѣемъ тутъ совокупность слухового ощущенія и смысла слова; точно такъ же рисунокъ, какая-нибудь фраза, чувство, какой-нибудь предметъ, на который мы смотримъ, будутъ сложными впечатлѣніями. Конечно, трудно указать, гдѣ лежитъ граница между простымъ и сложнымъ впечатлѣніемъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ одно и то же впечатлѣніе можетъ быть простымъ или сложнымъ, смотря по тому, какъ направлено на него наше вниманіе. Чтобы изучить вліяніе качества впечатлѣній на ихъ запоминаніе, мы прослѣдимъ различные роды впечатлѣній, начиная съ самыхъ простыхъ и кончая наиболѣе сложными.

Уже съ давнихъ поръ было замѣчено психологами, что не всѣ люди съ одинаковою ясностью могутъ вызвать у себя зрительное или слуховое впечатлѣніе. Точныя изслѣдованія по этому вопросу были произведены всего двадцать пять лѣтъ тому назадъ знаменитымъ англійскимъ антропологомъ *Гальтономъ*, который опрашивалъ различныхъ субъектовъ относительно того, какъ они предста-

нляютъ себѣ зрительно какой-нибудь предметъ, наприм., грушу, накрытый столъ, лампу и т. д., а также относительно того, какъ они представляютъ себѣ слуховыя впечатлѣнія, напр., звукъ скрипки, голосъ знакомаго человѣка, лай собаки и т. д. Эти наблюденія, произведенныя Гальтономъ и изложенныя въ интересномъ сочиненіи «*Inquiries into human mind*» (1883 г.) показали, что въ этомъ отношеніи существуютъ большія индивидуальныя разницы между отдѣльными лицами: одни могутъ очень ясно представить себѣ зрительно какой-нибудь предметъ, но не въ состояніи вызвать слухового представленія; другіе, наоборотъ, представляютъ себѣ очень ясно слуховыя представленія и имѣютъ лишь очень смутныя зрительныя представленія; наконецъ, третьи замѣчаютъ, что имъ легко даются тѣ представленія, въ которыхъ участвуютъ движенія рукъ или органовъ рѣчи, — у нихъ, какъ принято говорить, развиты моторныя представленія. Почти одновременно съ Гальтономъ, во Франціи извѣстный психологъ *Тэн* обратилъ также большое вниманіе на эти индивидуальныя разницы и указалъ на значеніе для ихъ изученія патологическихъ случаевъ. Въ 1881 году *Рибо*, собравъ въ литературѣ цѣлый рядъ данныхъ, касающихся наблюденій относительно патологіи памяти, опубликовалъ ихъ въ особой книгѣ «*Болѣзни памяти*», надѣлавшей много шума въ ученомъ мірѣ. Въ этомъ капитальномъ сочиненіи французскій психологъ показываетъ, какое огромное значеніе имѣетъ патологія для изученія памяти; то, что ускользаетъ отъ наблюденія надъ нормальными людьми, проявляется въ болѣзняхъ; мы видимъ, напр., какъ нѣкоторые субъекты, имѣвшіе хорошую зрительную память, теряютъ ее послѣ какой-нибудь болѣзни, тогда какъ память слуховая или моторная остаются у нихъ безъ измѣненія. Всѣ эти наблюденія — какъ въ патологическихъ, такъ и въ нормальныхъ случаяхъ — приводятъ къ тому общему заключенію, что слѣдуетъ различать столько же родовъ частныхъ памятей, сколько раз-

личаютъ отдѣльныхъ родовъ оццупеній. Мы не можемъ говорить о памяти вообще, мы должны говорить о памяти зрительной, слуховой, осязательной, двигательной, вкусовой и обонятельной.

Послѣ появленія сочиненій Гальтона и Рибо число наблюденій подобнаго же рода стало возрастать съ каждымъ годомъ. Въ 1883 г. Шарко опубликовалъ одно свое наблюденіе, очень интересное по своей типичности и полнотѣ и сдѣлавшееся классическимъ. Дѣло касалось одного купца изъ Вѣны, который обладалъ очень хорошей зрительной памятью; онъ могъ очень ясно представить себѣ различные виды или лица, зналъ очень много стиховъ на память и, при повтореніи ихъ, хорошо представлялъ себѣ тѣ страницы книги, на которыхъ они были напечатаны, такъ что онъ какъ бы считывалъ въ умѣ стихи съ этихъ страницъ; когда онъ соображалъ что-либо, то у него постоянно были замѣтны ясныя зрительныя представленія. Будучи однажды сильно озабоченъ дѣлами, онъ почувствовалъ въ себѣ большую перемену: пересталъ узнавать знакомыхъ людей, не могъ представить себѣ лицъ жены и дѣтей, забылъ какого цвѣта ихъ глаза и волосы; идя по улицамъ родного города, онъ думалъ, что въ первый разъ идетъ по нимъ; стихи онъ почти всѣ забылъ. Однако онъ замѣтилъ, что эта потеря памяти относилась у него только къ зрительнымъ впечатлѣніямъ, такъ что онъ могъ припомнить разговоръ съ кѣмъ-нибудь, повторяя его въ умѣ и пользуясь при этомъ слуховыми и зрительными представленіями; точно такъ же, для того чтобы запомнить какой-нибудь фактъ, онъ замѣчалъ, что ему необходимо описать его словами и тогда онъ запоминалъ это описаніе; вообще, подъ вліяніемъ переутомленія и сильныхъ волненій, онъ потерялъ зрительную память, но сохранилъ остальные роды ея.

Подобныхъ наблюденій теперь имѣется уже очень много. Въ нихъ отмѣчаются самыя разнообразныя комбинаціи, показывающія, что даже тѣ роды частичныхъ памя-

тей, на которые мы указали выше, еще не исчерпываютъ предмета и что нѣкоторые изъ нихъ должны быть еще раздѣлены на особыя разновидности; такъ, напр., для зрительной памяти необходимо отличать память къ формамъ и фигурамъ отъ памяти къ цвѣтамъ; для слуховой надо отдѣлить память къ музыкальнымъ звукамъ отъ памяти къ слуховымъ впечатлѣніямъ; для осязательной памяти слѣдуетъ отличать, во-первыхъ, память къ тому, является ли предметъ, къ которому мы прикасаемся твердымъ, гладкимъ, шероховатымъ, мягкимъ, липкимъ и т. д., а во-вторыхъ, память къ формамъ предметовъ, которые мы трогаемъ ¹⁾.

Переходя къ болѣе сложнымъ впечатлѣніямъ, мы опять-таки принуждены будемъ признать цѣлый рядъ различныхъ частичныхъ памятей. Патологія нервныхъ болѣзней дала въ этомъ отношеніи больше результатовъ, чѣмъ наблюденія надъ нормальными субъектами. Среди различныхъ сложныхъ впечатлѣній особенное вниманіе должно быть обращено на составныя части нашей рѣчи, т.-е. на словесныя впечатлѣнія, такъ какъ они встрѣчаются болѣе часто, чѣмъ другія. Эти словесныя впечатлѣнія могутъ быть или слуховыми, когда мы слышимъ какое-нибудь слово, или зрительными, когда мы читаемъ его написаннымъ, или же моторными, когда мы его пишемъ или произносимъ. Для каждой изъ этихъ различныхъ формъ мы должны признать существованіе частичныхъ памятей; одному, напр., легче всего запомнить слово послѣ того, какъ онъ его прочелъ, другому легче, когда онъ его написалъ самъ, третьему, когда ему сказали это слово и т. д.,—въ этомъ отношеніи индивидуальныя раз-

¹⁾ *Wernicke* описываетъ, напр., одного больного, который, будучи пораженъ въ верхнюю часть головы, потерялъ способность узнавать форму предметовъ, которые ему давали въ руку, тогда какъ онъ хорошо узнавалъ, что это предметъ твердый или мягкій, гладкій или шероховатый и т. д.; подобные же случаи были описаны въ послѣднее время американскимъ невропатологомъ *Дана*.